

ВСЕХ РАССУДИТ ОГОНЬ: жизнь и философия Гераклита Эфесского

Исторические обстоятельства

Гераклит — выходец из обедневшего царского рода, потомственный жрец Эфеса и влиятельный политик — был заметным человеком и в своем городе, и во всей Малой Азии. Несмотря на презрение к толпе, не принимавшей его философию, слава его настигла. Он явно не раз пытался провести политические реформы. Вообще в греческой Малой Азии, начиная с Фалеса Милетского, философия была ориентирована на создание новой политики, которая помогла бы преодолеть замкнутость городов-колоний. Когда Фалес говорил, что все произошло из воды, он меньше всего думал о научной лаборатории, но больше всего — о законах моря, в том числе как торгового и политического пространства. Известно, что Фалес предлагал всем ионийским городам создать Совет, по сути парламент, который будет распоряжаться общим военным бюджетом, т. е. предложил своего рода федеративную конституцию, что было совершенно неожиданным для древнего мира, но отвечало общему духу преуспевающих городов.

Прогресс этих мест во времена Гераклита продолжался. «Торгуя со всем миром и основывая сотни колоний по Средиземноморью от Крыма до Испании, Иония разносила повсюду технологию керамики, текстиля, стали, славу своей скульптуры, архитектуры и науки, особенно географии и физики» (Б)¹. Когда Сократ в диалоге Платона «Федон» (Федон 190b) говорил, что

¹ Расшифровки сокращенных ссылок см. ниже.

«мы теснимся вокруг нашего моря, словно муравьи или лягушки вокруг болота»¹, он имел в виду и интенсивное взаимодействие городов, и некоторую хаотичность их отношений, и их неспособность объединиться ради общего блага — и дальше вполне в духе Гераклита рассуждал, что жизнь внизу, как бы в котловине, не может быть достаточно здоровой и познавательной — отсюда такая неразумность, по платоновскому Сократу, обитателей полисов. В этом смысле ситуация в греческих колониях Малой Азии напоминала в чем-то рост городских коммун в ренессансной Италии, в том числе и по политическим и научно-философским последствиям; и Гераклит как мыслитель, думавший о единстве всего, об «общем» (ξυνόν, *ксюнон*) как основе разумной политики и разумного действия, сопоставим разве что с Данте Алигьери как автором трактатов «Монархия» и «О народном красноречии», который тоже мечтал о единстве Италии на основании общего языка, выражающего разумный общественный интерес.

Гераклит жил в VI–V веке, его *акме* (время творческого расцвета) приходится, по имеющимся свидетельствам, на 504–501 гг. Строго говоря, Гераклит родился и прожил всю жизнь в оккупированной стране. В 546 году до н. э., то есть за несколько лет до рождения философа, вся греческая Иония была покорена Гарпагом, полководцем царя Кира, и греческие города стали платить дань персидской монархии. Персы поощряли тиранию в греческих городах, представлявшую собой вовсе не абсолютизм в привычном нам смысле, а коллаборационизм: в качестве правителей они при-

¹ Перевод С.П. Маркиша.

Всех рассудит огонь

знавали тех, кто пришел к власти хитростью, обманом и насилием, но при этом был готов выполнять все распоряжения оккупационной власти. В 499 году произошло событие, положившее начало полувековым греко-персидским войнам: осада города Наксос, находившегося на одноименном острове. Порядок событий излагает Геродот: в 500 году изгнанные с Наксоса по подозрению в притязаниях на власть богатые граждане убедили тирана Милета (самого заметного города греческой Малой Азии) Аристагора отправить флот для захвата острова и возвращения их в страну. Аристагор получил огромную военную помощь от царя Дария I с целью расширить владения Персии на море. Но грек Аристагор и персидский начальник Мегабат вскоре поссорились, не поделив власть, и Мегабат решил наказать Аристагора, предупредив жителей Наксоса об опасности. Наксос четыре месяца держал оборону, и оккупационное войско ушло ни с чем.

Для персидской монархии это было тяжелым поражением: потраченных на экспедицию средств было не вернуть, и люди Дария пригрозили Аристагору тем, что отнимут у него Милет в наказание. Аристагор сразу же превратился из коллаборациониста в патриота греческих земель, призвав всю Ионию восстать против персов. В 397 году была создана лига греческих городов, чтобы координировать действия на фронте. Восставшими владела иллюзия легкой победы: они весьма скоро, в 395 году, захватили персидские Сарды и сожгли храм Кибелы. Но несмотря на поддержку восстания всеми греческими городами Малой Азии и наличие десанта из Афин (а благодаря афинским эмиссарам о Гераклите узнали довольно быстро

в Афинах и во всей Греции), персы смогли мобилизоваться и организовать широкомасштабное выступление по всему фронту.

В 494 году персы, внося раздор в командование милетским флотом, захватили и сожгли Милет, родину великого Фалеса. Все мужчины в городе были убиты, а женщины и дети обращены в рабство, после чего Милет никогда уже не смог вернуть себе бывшего богатства и славы. В 493 году персы окончательно восстановили контроль над Малой Азией, не щадя сопротивлявшихся; при этом, правда, не карая сдавшихся по доброй воле, благодаря чему Эфес и сохранился и греки впоследствии могли успешно воевать против Ксеркса. Некоторым полководцам удалось бежать, например, тирану Херсонеса Фракийского (нынешний Галлиполи) Мильтиаду, оправданному афинским судом и сделавшему головокружительную военную карьеру на новой, но столь же греческой, родине: он командовал в знаменитой битве при Марафоне и, по видимости, метил в тираны Афин.

Как ни странно, возвращение персидской оккупации способствовало установлению демократии в греческих городах: персы поняли, что тираны — союзники ненадежные, что против них народ может опять восстать, а заслужить доверие народа важнее, чем преданность тиранов. Сам Гераклит не любил тиранов. Существует предание, что именно он убедил тирана Меланкома сложить власть. Но также он не любил и полисную демократию, считая ее властью незрелых людей, ребячеством: в частности, он упрекал эфесцев за изгнание Гермодора — влиятельного политика, который, вероятно, готовился дать Эфесу новое

Всех рассудит огонь

законодательство. Вполне вероятно (Л 15), что создание Гераклитом его философского труда последовало за этим событием — Гераклит считал, что законы Эфесу и, косвенно, всем греческим городам даст Гермодор, но когда оказалось, что Эфес стал неуправляем, пришлось создавать особое, философское законодательство для настоящих и будущих читателей книг (знатоков права и не только), идеальный философский труд, который вернет гармонию в мироздание, а не только в город.

По сути, о Гераклите как о действующем политике есть только один достоверный исторический рассказ, воспроизведенный Плутархом в речи позднеантичного оратора Фемистия, дошедшей до нас только в арабском переводе и наградившей философа прозвищем Болталыщик (М 18). Когда в городе поднялась смута «из-за денег», то есть из-за налогов, Гераклит должен был выступить и дать совет, который восстановил бы гражданское согласие. Но вместо произнесения речи он взял стакан с водой, развел в нем ячменную муку, отпил и удалился. Это приготовление кикеона, трапезы бедняков, которая стала для Гераклита в одном из фрагментов метафорой правильного распределения усилий при «взбалтывании» в исторически сложной ситуации, конечно, было призывом к всеобщей скромности. Лучше вместе «взболтать» город, то есть бодрствовать и сделать скромную жизнь нормой, чем блуждать умом в фантазиях, какой налог справедливее. Здесь Гераклит напоминает других античных законодателей, провозглашавших скромный образ жизни нормой гражданского согласия, как Ликург в Спарте

или Нума Помпилий в Риме, но с тем отличием, что ему пришлось вскоре удалиться из собрания.

Фемистий смотрит на дело оптимистичнее: в городе уже чувствовалась нехватка продовольствия, но никто не смел выступить как законодатель, способный ограничить потребление, и жест Гераклита был фактическим учреждением закона против роскоши. В версии Плутарха Гераклит выступает как впечатляющий оратор, способный найти общую точку интересов граждан, почти как софист, что несколько модернизирует его облик; у Фемистия он оказывается ближе к архаическим законодателям как шаманам и пророкам. Но во всех этих изложениях вопрос сводится к трусости сограждан, что, конечно, ближе к позднеантичным кризисам гражданского общества, чем к действительной ситуации в Эфесе того времени. Скорее, этот исторический анекдот сообщает нам, что Гераклит был разочарован в гражданах, но мог превратить старый жест пророка в посыл приведения сограждан в чувство. Вероятно, Гераклит, видя неудачу лиги городов, задумался о том, что кроме общего командования нужны и общий язык, и общая валюта, и многое другое, и в своей книге выступил как пророк-реформатор, давший яркие примеры для такой программы.

Жизнь Гераклита

Гераклит принадлежал к религиозно-политическим реформаторам той эпохи, которую Карл Ясперс назвал «осевым временем» — временем поворота от народных поверий к большим комплексам идей, по-новому определяющим предмет веры и требующим ино-

Всех рассудит огонь

го отношения к истории: осевое время и позволило действовать в истории на рациональных началах, а не по приметам и гаданиям. Ситуация в греческом мире была в этом отношении сложной: сильная аристократия в ряде полисов поддерживала систему гаданий, кидания жребия как бы богами — лучший пример такого общегреческого гадания, это, конечно, Олимпийские игры, которые должны были показать всем грекам очередного любимца богов, победителя соревнований. Именно аристократия во всех культурах поддерживает эпос как рассказ о доблестных предках, друживших с богами, но в греческих землях она стала поддерживать и спорт. Гераклит в этом смысле не отвергает, а радикализирует аристократическую этику, считая, что если признавать жребий, то только космический, полностью принадлежащий священной сфере, капризный мировой огонь, а не отдельные ситуативные догадки. Если признавать стадион — то мировой стадион (по реконструкции А.В. Лебедева — одна из основных метафор Гераклита). Здесь Гераклит, конечно, напоминает Лютера, для которого воля Божия непредсказуема, на нее никак не могут повлиять человеческие поступки, и именно поэтому вера в Бога гонит прочь любые суеверия.

Сохранился замечательный рассказ о введении Гераклитом детей во храм. Однажды, вместо того чтобы обсуждать дела полиса, он повел детей в храм Артемиды, чтобы играть в *астрагалы* — кости с четырьмя гранями (давний предок *дрейдла*, ханукального волчка, возможно, заимствованного евреями у греков и римлян). Это было вдвойне вызовом и скандалом — лишить себя и политического, и жреческого достоин-

ства. Но Гераклит объяснил возмущенным согражданам, что их мелочные политические дискуссии хуже этих детских азартных игр. Сам Гераклит, сравнивавший век (я бы сказал, обычную жизнь) с ребенком, который сам с собой играет в азартную игру (*пессею*, вроде шашек), имел в виду то, что мировые закономерности непредсказуемы, но не нужно усложнять и так сложную ситуацию бесплодным отстаиванием частных интересов. Существенно и то, что храм в античности был не местом собраний, а домом божества и убежищем — войти в храм означало стать беженцем, преследуемым неразумной толпой.

Другой исторический рассказ о Гераклите (у Аристотеля в трактате «О частях животных») гласит, что однажды суровой зимой мыслитель грелся у печки, то есть сидел в своей каморке, избегая публичной жизни. Нарушая дипломатический этикет, он не вышел навстречу послам, которые прибыли посоветоваться с ним как с самым влиятельным человеком в городе, а пригласил их сесть рядом, сказав: «И здесь тоже боги». Рассказ можно понять, только если чувствовать дух греческой религии: перед принятием важных политических или дипломатических решений требовалось открыто молиться богам, забыв о мирских обязанностях и потребностях, чтобы боги не обиделись, Гераклит же предлагает разумно посоветоваться в тесном кругу, примерно как потом совещались на виллах в Венецианской республике. Как если бы сейчас предложили не разбивать бутылку шампанского о борт спущенного корабля, а выпить ее, взбодриться и вместе подумать, как улучшить кораблестроение.

Итак, Гераклит был царем, что являлось в полисе ритуальной должностью наследственного жреца храма Артемиды Эфесской. Изначально культ великой богини был местным анатолийским культом плодородия, но при установлении единого пантеона для греческой религии городская богиня, изображавшаяся со множеством сосцов, была отождествлена с Артемидой-охотницей, что очень помогло Гераклиту в развитии его философии: Артемида была сестрой Аполлона, и Гераклит в культурном конфликте Аполлона и Диониса (по Ницше) однозначно стоял на стороне Аполлона. Он предпочитал огненное, солнечное, ясное, рациональное, четко разделяющее противоположности и настаивающее на единстве мира — все то, что связано с Аполлоном. Любой иррационализм, безумие, неопределенность, доверие отдельным вещам и отдельным состояниям вне целого (что сопрягалось с именем Диониса) его только раздражало. В жертву Артемиде приносили быков, а также начатки плодов, гирлянды орехов и ягод, и, памятуя наш Медовый или Ореховый Спас, можно легко представить эти праздники.

Лебедев (Л 19) считает, что Гераклит противопоставил культ Аполлона местному побережному культу Посейдона (культ моряков, примерно как почитание Николая-угодника русскими моряками): в любом случае, усилить авторитет общегреческих центров принятия решений, таких как Оракул в Дельфах, невозможно было на основе культа Посейдона. Исторически Гераклит оказался прав: в 478 году, вероятно, вскоре после смерти Гераклита (хотя, может быть, и при его жизни), по предложению афинского политика и фло-

товодца Аристида Справедливого была создана Делосская лига (она же в учебниках — Первый Афинский морской союз) с центром на острове Делос с его культом Аполлона: там располагалась общая воинская казна для централизации финансирования военных операций, которую потом Перикл перенес в Афины. Аристид Справедливый не писал книг, но по духу был продолжателем Гераклита в Афинах.

Царский род Гераклита восходил к афинскому царю Кодру, так что он был родственником и Платона, и многих афинских аристократов. По свидетельству эллинистического компилятора Антисфена Родосского, которого цитирует Диоген Лаэртский, Гераклит из гордости отрекся от своего титула и связанных с ним привилегий в пользу младшего брата — вероятно, после очередной ссоры с согражданами: при этом, вероятно, книгу свою он создавал еще будучи в жреческом сане. Цицерон в «Тускуланских беседах» назвал Гераклита республиканским вождем (*princeps*) Эфеса, вероятно, немного выдавая желаемое за действительное: все же ни его друг Гермодор, ни он сам не смогли создать новую конституцию для Эфеса и других городов, хотя, конечно, хотели быть настоящими вождями. Привилегии, которые давал этот сан царя-жреца, кажутся нам почти смехотворными (вроде сидения в первом ряду в театре), но на самом деле это фактически означало избранность и близость к воле богов. Гераклит, не понятый толпой, не стал Бенджамином Франклином античного мира, хотя как знаток и исследователь метеорологических явлений был очень на него похож, но не будь его — не было бы, возможно, и Франклина.

Народу, не способному объединиться для борьбы за свободу и установление лучших законов, Гераклит не доверял. Но с не меньшим недоверием он относился к учености его времени. В одном из приписываемых ему писем (конечно, это явно не его рука, а позднейшие риторические упражнения — «что бы мог сказать знаменитый человек») он обвинил врачей в том, что те залечили до смерти его дядю. Вообще книга Гераклита, как мы увидим, была глубоко полемичной, напоминающей такие программные труды XX века, как «Психология искусства» Л. Выготского, «Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна или «Основы семиологии» Р. Барта — даже если в таких работах подробно не разбираются положения противников, понять их можно, только если учитывать войну на множество фронтов, спор с предшественниками и современниками. Так и Гераклит спорит с Гомером и современными ему учениками Пифагора яростно и страстно.

О поздних годах жизни Гераклита, как и о его ранних годах, мы знаем очень мало. Диоген Лаэртский, собравший множество сплетен о философах, изложил поздний период его жизни так: «Возненавидев людей, он удалился и жил в горах, кормясь быльем и травами. А заболев оттого водянкою, воротился в город и обратился к врачам с такой загадкой: могут ли они обернуть многогодожде засухой? Но те не уразумели, и тогда он закопался в бычьем хлеву, теплотою навоза надеясь испарить дурную влагу. Однако и в этом не обрета облегчения, он скончался, прожив 60 лет»¹. Если за этим пренебрежительным текстом и стоят какие-то факты,

¹ Перевод М.Л. Гаспарова.